

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

ВОДЫ ГАЛИЛЕЙСКИЕ

ЛЕГИОН

Слышишь, камни ворочает море?
По дну ворочает, чуешь?
Море отчее, чуешь, ворочает,
волочит по дну чудовищ.
По дну их, пьяных, прокатывает.
Лбами трещат, стонут.
Утробными, чуешь, проклятьями
возмущают нечистый омут.
Ты сдурел, пловец, коль решился.
Окровянишь башку и руки.
Скорлупа — цена твоей жизни.
Пощадят они разве от скуки.
То один, как бешеный, скочет.
То другой как с цепи сорвётся.
Опротивело морю ворочать
уродов таких, уродцев.
Что друг в друга лбищами целите?
В этой мути, в темени, в иле
что вы там никак не поделите?
Аль вселенную не поделили?

ЛОЩИЦ Юрий Михайлович родился в 1938 году в селе Долинском Одесской области. Окончил филологический факультет МГУ. Автор книг “Сковорода”, “Гончаров”, “Земля-именинница”, “Дмитрий Донской”, “Слушание земли”, “Унион. Проза последних лет”, романа “Полумир” и сборников стихов “Столица полей” и “Больше, чем всё”. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

ИОНА

Позабыв свои чёт и нечет,
спрятав жёсткие удила,
море так по-детски лепечет,
будто нежность его родила.
Будто просит у нас прощенья,
что не каждому зреть дано
это ласковое погруженье
зыбких светов на сонное дно.
Я поверю ему, поверю,
я войду в его звонкий храм
и усталое сердце отдам
прямо в пасть лучезарному зверю.

НАГОРНАЯ

Мы от берега входим на холм,
где ветер шевелит ковыльный шёлк.
Мы по кругу расселись и, как дети, ждём
Того, Кто слово сказать пришёл.
А внизу прислушалось море спиной,
прозрачное, до камней и рыб, —
море нищих,
кротких,
плачущих,
жаждущих правды,
море милостивых,
латающих, будто сети, мир,
море изгнанных, клятых судом,
море обременённых трудом,
до трещин на коже омытых потом и горем.
Веселья и радости нашей небесной
блаженное море.

КАК ЖЕ МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ...

Как же мы любим Тебя,
когда и бранишь, попрекаешь,
в маловерии уличаешь.

Как же мы любим Тебя,
когда в лодке спишь,
свернувшись калачиком.
Про себя зовём
учителем нашим и мальчиком.

Как же мы любим Тебя —
бородку, власы до плеч,
Твою тихую или гневом
захлёбывающуюся речь.

Как же мы любим внимать ей
на кремнистой тропе вскрай колосьев,
при самаритянском колодце,
где вода Твоя плещет живая.

Как же мы любим Тебя,
примолкшего у морского припая.
Так бы в шёпоте волн и жили,
горя не зная.

Как же мы любим Тебя
на пыльном пути к голгофскому пеклу,
где кровка твоя свернулась в серые катушки.

Как же мы любим сиротство своё умирять
в тени Твоей тихой матушки.

ВЛАСТЬ ИМЕЮЩИЙ

Власть имеющий буре сказать: “Укротись!”,
прокажённому повелеть: “Очистись!”,
в этом мире внимают Тебе даль и близь,
но не знают пророка в Его отчизне.
Власть имеющий буквы писать на песке
морском, чтобы волны их целовали,
учеников своих оставил в тоске.
Но узрели вновь. Онемели, возликовали.
Вновь по берегу тихой стопой бредёт
власть имущий и у костра садится,
рыбой печёной кормит оголодавший народ,
окропляет взглядом изнурённые лица.
“Съешь и сам”, — говорим. Пьёт и ест
власть имущий. В очаге задумался пепел.
А из вод галилейских вырастает солнечный крест,
власть имеющий всех спасти,
вспетый.

ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ

Богат Дионисий Ареопагит.
В собрание афинян не с краю сидит
и любит, как все, насладиться беседой,
уйдя в эмпиреи изысканных мыслей.
Но нынче безмолвствует Дионисий.
Ведут иноземца.
— Чужак, проповедуй!
Не ты ли с востока пожаловал к нам
урон нанести Олимпийцам-богам?
— Какого-то чтить неизвестного бога?
— ...воскресшего якобы?..
— ...басни и срам!..
— Что слушать смутьяна?
Гоните с порога!

Но вдруг
молодой Дионисий,
зевая
афинских оставив
и Ареопаг,
за Павлом
уходит в Божественный мрак.

В Афинах богинь и богов в преизбытке —
на каждом дворе и у всякой калитки!
Но Павел узрел Неизвестного Бога.
За ним Дионисий
и правит свой шаг
в Божественный мрак.

Неведомый Бог разминулся с богами.
Невидимый. Неуловимый словами.
Не мраморный, не золотой истукан,
не камень, не воздух, не лёд и не пламень,
не дым, не мерцанье, не сон, не обман,
не звук, не мечта, не галактик туман,
не символ, не след, не подсказка, не знак,
не призрак, не знаменье, не виденье, —
Он то, что уходит от уразуменья,
Он — в славе имён, но при том безымян,
Тверёз, но от преизобилия пьян.
Он — всё, он — везде. Он — ничто и нигде.
Он в круге, в кресте — не в кругах на воде.
Как ни изостряй человеческий зрак,
Он сверхпостижим,
Он — Божественный мрак.

Витии земли, как тщеславьем ни дышат,
ни словом, ни кистью его не опишут.
Божественный мрак — сокровение света,
в котором и солнце всегдашнее это
мелькает, как тень, как времянка-комета,
как зеркальца дрожь среди чрева пещеры.
Зачем ты проник в световечные сферы?
Измерить сиянья, что паче всей меры?
Но коль уж ты здесь, созерцанью учись
и сердце земное молчаньем очисти.

В Божественный мрак восхищён Дионисий,
где ум у головокружительных высей
и далее томим в добровольном плену,
где Троицу хор херувимов прекрасных
поёт, приглашая на праздников праздник...
И ангелы к Божьему Хлебу-Вину
его, испытав, наконец, призывают...
Нет, оком не вызреть, душой не объять
разверзшуюся перед ним благодать.
От радости сердце, как воск, истекает.

...И он на века, на века умолкает.

РУБЦОВ

О Русь — великий звездочёт!

По осени, в зиму и летом
чистый доносится зов —
жемчужным полнится светом
слово твоё, Рубцов.
Таинствен сей свет и ясен —
из глубины течёт.
Он — дар у Господних яслей —
от русских широт.